

АННА
ДАНИЛОВА

DA

ЗВЕРИНЫЙ ПРОФИЛЬ

Психологический детектив

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова
Звериный профиль

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А. В.

Звериный профиль / А. В. Данилова — «Эксмо»,
2021 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-04-155086-8

Зоя еще молода и хороша собой, она делает успешную карьеру и прекрасно зарабатывает. Ей только с мужем не повезло: красавчик Виктор слабак и бездельник, спускающий деньги жены на многочисленных любовниц. С одной из наглых подружек неверного супруга взбешенная Зоя ссорится и, не желая того, убивает «эту гадину». Произошел несчастный случай, но поверит ли в это полиция? Стараясь избежать тюрьмы, Зоя проявляет звериную хитрость, все отчетливее понимая: сохранить можно только что-то одно, либо свою свободу – либо собственную человечность...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-155086-8

© Данилова А. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

1	6
2	7
3	13
4	18
5	22
6	27
7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Данилова

Звериный профиль

© Текст. А. Дубчак, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

1

В дверь позвонили. В который уже раз за это утро. Зоя подошла, заглянула в глазок – снова никого. Вернулась в комнату. На диване сидела женщина. Мертвая.

– Снова вы? Что вам нужно? Оставьте уже меня в покое!

Но женщина продолжала смотреть на нее своими маленькими серыми глазками. Она была похожа на крысу.

– Вы сами во всем виноваты! И хватит меня уже преследовать!

Зоя заглянула на кухню. Там на столе стоял заварочный чайник, она подошла, обняла его ладонями – горячий. Чай только что заварили. И гренки на тарелке были еще теплыми и вкусно пахли.

Послышался шорох. Зоя резко обернулась. Ну, конечно! Снова эта фигура в дверном проеме. Смотрит так, что душа переворачивается. В этом взгляде все: и щемящая грусть, и упрек, и тоска. А кто виноват? Как будто только она одна. А они все ну просто ангелы! Глаза у мертвых темные, страшные. Хочется забраться под кровать и не видеть их...

Звонок! Снова звонок! Сколько уже можно измываться над человеком?

Зоя медленно подошла к двери, посмотрела в глазок – никого. Где же вы, люди? Куда спрятались?

– Зоя, пойдём чай пить!

Возникла она, настоящий ангел. Румяная, живая, теплая. Она позаботится о Зое. Она добрая и ласковая. Вот только имя ее Зоя начала забывать...

– И мне чаю. – За стол садится молодая женщина с темными глазами. На ней серое пальто, в руках мнет черный берет.

– Ага, ты бы хоть пальто сняла, прежде чем садиться за стол... – Зоя гневно смотрит на покойницу.

– Ты что-то сказала, Зоенька? – Ангелоподобная девушка ставит перед ней чашку с дымящимся чаем.

– Нет-нет, ничего... – отвечает она, оглушенная биением своего сердца, и придвигает к себе сахарницу.

2

В поликлиниках всегда так пахнет – хлоркой ли, вытертым линолеумом, человеческой нездоровой кожей, лекарствами, болезнями, безысходностью, страхом. Да-да, у страха есть свой запах. Дурной запах. Вот и сейчас Зоя, забившись в угол диванчика в самом дальнем углу поликлиники, вернее, амбулатории, которую все в районе называют, конечно, поликлиникой, остро почувствовала этот горьковато-солончатый запах страха ли, кошмара. И это чувство буквально парализовало ее. Она физически не могла пошевелиться. Поликлиника (да, она все-таки тоже будет называть ее поликлиникой; господи, и что только в голову лезет в такие минуты?!) опустела. И было так тихо, что, казалось, все пространство этого маленького коридорчика пульсирует синхронно с током ее собственной крови в висках.

Скоро появится уборщица, к примеру, с ведром и тряпкой и выпучит на нее удивленные глаза, мол, чего сидишь, врачи-то все ушли?! И что она ей ответит? И сможет ли просто пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы подняться и сделать несколько шагов?

Шаги... Да, она четко слышала шаги. Быстрые, стремительные. Где-то там, в начале этого извивающегося узкого коридора, заставленного диванчиками, обтянутыми искусственной кожей с едва заметными вмятинами от долгого сидения пациентов, сначала шарахнули входной массивной дверью, затем послышались шаги, пауза – должно быть, человек задержался возле стойки регистратуры, но там, вероятно, уже никого нет, потому что не слышано голосов, – и вновь ускоренное движение по коридору... Кто это идет? Полицейский?

Из-за угла вырुлил высокий худой мужчина в черном пальто и шляпе. В шляпе! Зоя сто лет не видела мужиков в шляпах. Хотя шляпа – это сейчас, в сегодняшней скоростной реалии, такой анахронизм! Как котелок или цилиндр. И все-таки шляпа – это класс! Стиль! И мужчина этот выглядел бы шикарно, если бы не его бешеный взгляд, растерянность, бледность и даже злость.

Зато не полицейский!

– Вы здесь не видели девушку?... Такую... высокую, худенькую, в сером пальто и черном берете? Это моя жена...

Она закрыла глаза. Ну вот, собственно говоря, и все. Началось. Прямо сейчас сдаваться ему и блеять о том, как все произошло? Или отодвинуть час расплаты на неизвестное время? Она пока еще могла выбирать между комфортом собственной квартиры и грязной камерой СИЗО (про камеру она, как и многие вокруг, знала лишь по сериалам), а потому выбрала чистую ванну, удобную постель и чашку кофе или чая.

– Нет, не видела, – соврала Зоя, даже не пряча взгляда.

Соврала, поскольку несколько часов назад она, расправившись с этой «девушкой в сером пальто и черном берете», прикрыла ее труп промокшими от снега картонками.

– Ничего не понимаю... Хотя думаю, что уже понимаю... А вы чего здесь сидите? Никого же нет?

– Не знаю... – обронила она.

– Может, вам плохо?

– Ну да... плохо... – вот здесь она точно не врала, говорила истинную правду.

– Давайте я помогу вам, – и мужчина подал ей руку. – Поднимайтесь. Может, вас в больницу отвезти? Что с вами?

Конечно, если бы она, скажем, сидела возле кабинета гинеколога, то он мог бы предположить, что она беременна, ей плохо, ее тошнит. Но напротив нее на двери висела табличка «Онколог. Кузнецова В. П.». Быть может, мужчина в шляпе подумал, что ей стало плохо после того, как она узнала страшный диагноз?

– Да не знаю... Просто что-то поплохело. Думаю, я на какое-то время потеряла сознание, – она и здесь говорила чистую правду.

Даже если бы она сказала, что у нее на время отказал мозг и она вообще не понимает, в каком измерении находится, Зоя и здесь бы не лукавила. Она действительно не понимала, приснилось ли ей то, что случилось среди бела дня в двух шагах от крыльца поликлиники, или нет. Действительно ли она убила девушку, которая на самом деле была в сером пальто и черном берете, но это уже после того, как она, эта девка, сделав все свои черные дела, поменяла деревянный номерок в гардеробе на верхнюю одежду, хотя в момент своего преступления, за которое и поплатилась жизнью, на ней была кремовая юбка самой Зои, да к тому же ее собственные коричневые замшевые сапоги!

А что, если за пределами поликлиники вообще ничего не было, Зое весь этот кошмар приснился, и девушка в сером пальто уже давно дома? Но как узнать, не выйдя на улицу? Хотя, ну, выйдет она сейчас, и что? По-хорошему, надо бы поскорее ноги уносить, не проверять же то место, что расположено в аккурат, как говорится, слева от высокого крыльца и обозначено длинной, тянущейся параллельно стене дома, заснеженной крышей, под которой прячется крутая лестница, в конце которой, в самом низу перед дверью, и лежит труп? Или все-таки проверить, приподнять картонки? Не зря же убийцы возвращаются на место преступления – хотят проверить, а было ли оно...

Мужчина в шляпе предложил ей руку, она ухватилась за нее, поднялась так, как если бы весила не пятьдесят с чем-то килограммов, а все двести, и, опираясь на его руку, сделала несколько шагов. Знала ли она, что эти несколько шагов приведут ее в ад? Подозревала. Но, как и всякий человек, надеялась на чудо. Что не вычислят, не поймут.

Так, опираясь на руку вдовца, который еще не знал об этом, она вышла наконец из поликлиники на свежий воздух. Если бы она была счастливым человеком, то, глотнув свежего воздуха и оглянувшись на укутанные в снежные шубы молодые ели, высаженные напротив поликлиники вдоль шоссе, порадовалась бы этой красоте и сладости морозного воздуха. Но поскольку она была человеком несчастливым, то ничего, кроме холода и пронизывающего ветра (которого, кстати, может, и не было, она его выдумала просто из-за нервного озноба), не почувствовала.

– Куда вас подвезти?

– Да куда, я здесь рядом живу.

– Я тоже. Вон, видите, дом?

Но ей это было неинтересно. Теперь она все свои мысли и чувства должна была направить лишь на одно – на то, чтобы спастись. Не впустить в свою жизнь тюремный запах. Как-то выкрутиться. Сделать вид, что ничего не произошло, не было! Их никто не видел, во всяком случае, она на это надеялась. Хотя было десять утра, казалось бы, поликлиника – бойкое в этот час место, но, к счастью, именно в разгар битвы ли, убийства (это как посмотреть) никого рядом не было. Единственное, чего надо было опасаться, это случайных взглядов из окон многоэтажного дома, на первом этаже которого располагалась поликлиника. Кто-нибудь в этот момент, подойдя к окну с чашкой чая или лейкой, чтобы полить свою герань на подоконнике, мог увидеть потасовку за окном и падение девушки в подвал. Пусть это лишь вход в подвал, но если судить по высоте, то девушка эта, гадина и мерзавка, упала сверху на уровень подвального пола. В подвал, короче. Так и назовем.

Зоя рассуждала об этом так, как если бы готовилась к разговору со следователем или судьей...

В какой-то момент ей показалось, что она вела себя с этим господином в шляпе неестественно. Она не выразила хотя бы внешне удивления или даже сочувствия тому обстоятельству, что он потерял (или пока еще разыскивал) свою жену. Она не задала ни одного вопроса, хотя, не будь она убийцей, то уж точно вела бы себя по-другому. Более живо, участливо, смот-

рела бы на мужчину с теплотой, быть может, подробнее расспросила его о том, как выглядела его жена, к какому доктору предположительно была записана.

– Пойдите... Вы говорите, что искали вашу жену? Вы точно знаете, что она пошла в поликлинику?

Разговаривая с ним, она с усмешкой подумала, что когда-нибудь они встретятся, конечно, в зале суда, но только она будет на скамье подсудимых, а он в зале как жертва. Вернее, как это у них там говорится, как потерпевший. Ну или «со стороны потерпевшей».

Увидев ее тогда, вспомнит ли он сегодняшнюю встречу? Бестолковый разговор ни о чем? Какими глазами на нее посмотрит?

– Да, она сказала, что ей нужно в поликлинику, к десяти. Вот утром вышла из дома и не вернулась.

И не вернется. И ты, парень, через некоторое время уже будешь стоять возле ее могилы, заваленной цветами, все в этой же шляпе. И это в январе! Мог бы просто куртку носить, а вместо шляпы – обычную вязаную шапочку черного цвета, к примеру, или дорогую меховую, из чернубурки, хотя бы ушанку. Словом, быть как все.

И что она так прицепилась к шляпе?

– Да вернется... – бросила она через плечо так, как если бы и мысли не допускала, что он больше никогда не увидит своей жены. Да, она хотя бы старалась вести себя так, как если бы ничего не произошло.

Мужчина, пожелав ей здоровья, сел в свою большую черную машину, а Зоя побрела по дорожке между высотными домами в сторону своей одиннадцатизажки, расположенной в пяти минутах хода от поликлиники.

Шла и вспоминала свое утро. Были ли предчувствия? Нет, не было. Чтобы было нехорошее предчувствие, надо, чтобы перед этим было хоть что-нибудь хорошее, тогда есть с чем сравнивать. Быть может, ей снилось что-то такое, что могло бы послужить предупреждением, мол, сиди дома и не высывайся, чтобы никуда не влипнуть. Но вряд ли она обратила бы внимание даже на такое явное предупреждение во сне, потому что и безо всяких предупреждений вся ее жизнь была в последнее время настоящей помойной ямой, где она капитально увязла. Так крепко, что никак не могла выбраться. Вернее, могла. Или нет? Не могла? Боялась, что останется одна? Но разве она и без того не была одна?

Мужа звали Виктор, он не работал, целыми днями где-то пропадал, словом, жил своей жизнью, пользовался ее квартирой, деньгами и при этом не чувствовал абсолютно никаких угрызений совести. Миллион раз она пыталась завести разговор о том, что пора бы уже куда-то устроиться, на что всегда получала столько нытья и каких-то неубедительных и блеклых объяснений, что почти сразу же жалела о том, что вообще затеяла разговор на эту тему. Виктор был биологом. С его образованием и опытом работы он был никому не нужен, это во-первых. Во-вторых, туда, куда его взяли бы (в школу, к примеру), он сам не хотел – там мало платят, а работы много. Или просто – там нужно работать. Виктор часто отлучался из дома надолго, говорил, что ищет работу, ходит на собеседования, но это длилось уже два года (ровно столько времени прошло с тех пор, как закрыли институт «Микробиолог», в котором он работал и где его все более или менее устраивало), а результатов – ноль.

– Хочу в частный медицинский центр, места жду, – время от времени звучала рефреном его сказочная фраза. Но Зоя ему не верила, как не верила в саму возможность такого трудоустройства.

Однако неработающий муж – это еще не проблема. Вот муж, который изменяет с другой женщиной и считает тебя, верную жену, идиоткой, – это уже настоящая проблема. Муж, который во время твоих командировок (а Зоя работала в очень серьезной структуре, главным направлением которой являлась разработка и строительство жилых проектов комфорт- и биз-

нес-класса) приводит в пустую квартиру своих девок, спит с ними в твоей постели, разрешает им пользоваться твоими полотенцами, пеньюарами, духами, кремами, тапочками, дарит им в пьяном угаре все, что этим шлюхам нравится и хочется (банки варенья, кофе, шампуни, кремы, вещи жены), – это настоящее бедствие. Поэтому Зоя никогда не возвращалась домой раньше оговоренного срока – не дай бог застать мужа с любовницей, не дай бог задушить голую, пахнущую ее же, Зоиными, духами, деваху прямо там, прижав ее мордой к подушке... Не хватало только сесть в тюрьму из-за такой вот бессовестной твари.

Надо было рвать с Виктором. Разводиться. Квартира принадлежала только ей, поскольку куплена была до брака, поэтому никакого раздела имущества не предвиделось. Но Зоя знала, чувствовала, что стоит ей только начать этот процесс, как на ее голову свалится сразу столько проблем и неприятностей, что только от представленного уже становилось дурно. Конечно же, поначалу муж будет давить на жалость, стонать, что ему негде жить, да и не на что. И все эти стоны будут пересыпаны, разумеется, его запоздалыми и лживыми любовными признаниями в ее адрес. Потом начнутся угрозы, что раз так, то он, мол, станет жить на лестничной клетке, спать на картонке, пусть все соседи увидят. Он будет голодать и выть, как собака. Дальше хуже – он обратится в полицию, скажет, что его выставили за дверь из его же собственной квартиры, хотя деньги на эту квартиру он получил в наследство от своей матери (или придумает еще что-нибудь более или менее правдоподобное). Потом обратится к бесплатному адвокату и скажет, что его жена Зоя Бельская изменяет ему, требует развода, угрожает ему тем, что «закажет» его, если он не съедет из квартиры и не выпишется... Словом, в случае, если Зоя решит от него избавиться, развестись с ним и сделать так, чтобы он просто исчез из ее жизни, вряд ли у нее это получится. Виктор относится к тому типу совершенно беспринципных и нахальных мужчин, которые намертво лепятся к своим успешным и богатым женам, так что от них даже откупиться проблематично – эти ненасытные упыри-мужья будут до последнего пить кровь из своей второй половины, пока та не поймет, что лучше уж вообще не затевать развод и просто продолжать жить под одной крышей с ним и терпеть его так, как если бы он был неблагополучным ребенком. Детей-то своих не бросают.

Знала Зоя и то, каким образом он напакостит ей на работе. Во время самых жарких ссор он нередко угрожал позвонить ее директору и сказать, что Зоя мечтает занять его место, копает под него, сливает информацию конкурентам. Дежурный набор киношного подлеца.

Но все же самой большой опасностью, по мнению Зои, был любой бомж, пьяница или наркоман, который за небольшие деньги по просьбе Виктора мог просто убить Зою – удушить, заколоть ножом, прибить бейсбольной битой, к примеру. И вот тогда у Виктора вообще началась бы чудесная и спокойная жизнь – до гробовой доски прожигал бы все женино наследство.

Вот почему Зоя уже давно, несколько лет тому назад, написала завещание, где все движимое и недвижимое имущество завещала своей единственной родственнице, сестре матери – тете Алле, скромной женщине, портнихе, проживающей в Самаре и в одиночку воспитывающей троих детей. Понятное дело, что Виктор об этом ничего не знал. В сердцах, скандаля, она грозилась, что оставит все, чем владеет, детскому дому. Чтобы до поры до времени обезопасить тетю.

Каждый день у Зои начинался одинаково. Она вставала очень рано, готовила завтрак, собиралась и уезжала на работу. Виктор еще спал. Она знала, что он проснется около одиннадцати, позавтракает, сунет грязные тарелки в посудомоечную машину, примет душ, оденется и пойдет по своим делам. Возможно, будет просто прогуливаться по городу, побродит по торговому центру или парку, пообедаст где-нибудь в кафе или ресторане, вечером встретится с любовницей, возможно, покормит ее, проведет время либо у нее, либо в недорогой гостинице, вернется домой, скажет, что страшно устал, работу не нашел, у него начинается депрессия, болит голова, однако с аппетитом поужинает, приберется на кухне и разляжется на диване в

гостиной перед телевизором с пивом и орешками. Спросит Зою для приличия, как прошел ее день, а потом, даже не услышав ответа, забудет про нее.

Сколько раз она спрашивала себя, где были ее глаза и мозги, когда она выходила за него замуж, но ответа так и не находила. Он был красив, она считала его ученым-биологом, ей нравились его манеры, то, как он одевался, как эмоционально пересказывал кинофильмы или делился впечатлениями о прочитанных книгах. Он был ласковым, страстным, мягким, приятным в быту, чистоплотным, никогда ее не напрягал и казался влюбленным. И еще он нравился женщинам. А то, что он пустышка, бездельник, лентяй и врет как дышит – этого она почему-то не замечала. Или просто не хотела замечать? Ведь влюбленные девушки все как одна слепы.

Сейчас, возвращаясь домой после всего случившегося, после того кошмара, в котором она тонула, Зоя впервые хотела одного – чтобы мужа на этот раз не было дома. Чтобы он не увидел выражения ее лица, чтобы у нее была возможность разрыдаться, дать волю слезам, она же чувствовала, что близка к истерике. Вот только объяснять Виктору, что с ней творится, она была явно не готова. Как не готова была и держать в себе все то, что грозило выплеснуться горькой отрыжкой.

Поднимаясь в лифте, она еще не понимала, как ей жить дальше. Ей нужно было время, чтобы все хорошенько обдумать, подготовиться на тот случай, если свидетели ее преступления все же объявятся. Но для этого требовались уединение и тишина.

Окна квартиры светились, она видела это еще издали, поэтому надеяться на то, что мужа не будет, было глупо. Разве что он выбежал из дома за сигаретами или хлебом.

Она вошла, отперев двери своими ключами, и сразу почувствовала, как задыхается. Словно несла в себе большущий шар со слезами где-то внутри, и вот теперь, оказавшись дома, в тепле, он рвался наружу.

Под сапогами мужа на полу натекла грязноватая лужа. Виктор дома. Хотя не слышно звуков телевизора.

Она разделась, переобулась в домашние тапочки и прошла в гостиную. Виктор сидел на диване с отрешенным видом.

– Привет, – сказала она, усаживаясь в кресло напротив мужа.

Вероятно, он ждал от нее вопроса, мол, что с тобой, Витя, случилось, почему в квартире так тихо, телевизор не включаешь? Но она, увидев его, вдруг поняла, что, размышляя о горе, которое постигло мужчину в шляпе, она совершенно забыла о другом мужчине из жизни той девицы в черном берете, о ее любовнике. И вот сейчас ее любовник сидел в кресле и изображал из себя озадаченного и расстроенного человека. Интересно, каким будет выражение его лица (отыщет ли он в себе вообще приличествующее ситуации выражение), когда узнает, что его барышню убили?

– Слушай, никак не могу найти свою кремовую юбку, ну, помнишь, такую, узкую, я покупала ее в Париже... Не видел?

Виктор медленно повернул голову и посмотрел на Зою так, как если бы она спросила его о количестве камней в египетской пирамиде.

– Слушай, – процедил он, – ты у меня уже спрашивала о какой-то юбке... Ты что, подозреваешь, что я время от времени надеваю твои вещи, юбки или чулки, чтобы прогуляться в них по Москве? Спроси еще, не брал ли я твою красную помаду.

– А ты чего такой злой?

– Я не злой, нормальный.

В это время у него ожил телефон, он схватил его с журнального столика, на котором стояла чашка с остатками кофе (и это вечером!), и выбежал из комнаты в прихожую, успев плотно закрыть за собой дверь.

Зоя услышала, как он разговаривает с кем-то, тотчас встала, подошла к двери и прислушалась.

– Да я не звонил ей еще! Почему? И ты еще спрашиваешь? Не звонил, и все! Пусть сама разбирается со своими проблемами. Говорю же, не звонил!.. Ладно, сейчас позвоню. Но только ты мне скажи, о чем мне с ней говорить? Она же все видела и поняла! Мне что, прикажешь перед ней извиняться? Вот сама и извиняйся! Ну и что? Хорошо, сейчас позвоню...

И тут Зоя поняла, что речь, возможно, идет о звонке той девице! Конечно, до нее никто не может дозвониться, потому что телефон она из сумки достала и отключила. Были бы там документы, и их прихватила бы. Чтобы следствие затянуть. Хотя полиция без труда выяснит личность убитой, достаточно обратиться в поликлинику, рядом с которой обнаружили труп. Там путем простого опроса врачей и медсестер выяснили бы, к какому врачу она заходила.

Зоя кинулась в комнату, достала из сумки телефон убитой и включила его. И тотчас он взорвался у нее в руках звуками аргентинского танго, да так громко, что Зоя обомлела и тотчас выключила телефон! Через мгновение Виктор влетел в комнату, где Зоя, вернувшись в кресло, с бьющимся сердцем сидела, в последний момент успев натянуть на лицо маску полного равнодушия.

– Что это было? – вскричал он, хватая ее за плечи.

– Ты что, Витя, спятил? Ты чего набросился на меня? – Она брезгливо ударом сбросила его руки со своих плеч. – Ненормальный!

Да, пожалуй, именно так она и повела бы себя в случае, если бы никакого танго не было и в помине и эти знакомые Виктору звуки рингтона оказались плодом его воспаленного воображения.

– Ты разве не слышала сейчас звуки танго?

– Танго? Где ты слышишь танго? Прислушайся... – Она обвела взглядом гостиную, пожала плечами: – По-моему, дома очень тихо. Ты вообще в порядке?

– Да в порядке я, в порядке! Но я же только что слышал, как зазвонил телефон... Вернее, я подумал, что звонит телефон.

– Чей телефон? – Она смотрела ему прямо в глаза.

– Да откуда мне знать... – раздраженно ответил он и снова закрылся в прихожей.

Странное чувство охватило ее, сродни удовольствию от того, как мучается находящийся рядом с тобой ненавистный человек. Возможно, сейчас, получив от нее порцию лжи, Виктор подозревает, что начинает сходить с ума. Ну или, во всяком случае, у него начались слуховые галлюцинации. Почему ей от мысли, как ему сейчас не по себе, как страшно радостно? Как если бы он добровольно решился разделить с ней ее собственный кошмар.

А что, если рассказать ему всю правду? Как он себя поведет? Губы ее медленно растянулись в улыбку. Он сдаст ее. Сразу же. Нисколько не сомневаясь, что делает все правильно.

И она снова включила телефон, в животе которого спряталось аргентинское танго.

3

Суркова Валентина Борисовна, пенсионерка, услышав звонок в дверь, поставила чашку с недопитым чаем на стол, вышла их кухни и поплелась в прихожую. Настроение у нее было с самого утра хуже некуда. Женщина по имени Марина, ребенка которой Валентина нянчила всю осень, задерживала оплату, обещала перевести деньги на днях, и уж точно за два дня до срока погашения очередного ипотечного платежа, но так ничего и не прислала, а срок уже завтра...

– Ты что, Марина, не понимаешь, что портишь мою кредитную историю?! – Почти плакала Валентина Марине в трубку. – Мне и кредиты никто больше не даст, раз я такая неплатежеспособная и безответственная! Может, для тебя эта несчастная десятка – не деньги, а для меня – часть взноса! И как мне теперь быть? Займите у кого-нибудь с мужем, раз у вас сейчас нет, но заплатите мне. Я же вашего ребенка нянчила, душу в него вкладывала. Разве так можно?

Так и хотелось крикнуть в трубку, мол, твари вы неблагодарные!

После этого разговора с Мариной на душе было так гадко, так противно! Что за люди? И ведь не бедные, красную икру покупают килограммами и замораживают ее впрок в огромной морозильной камере (что являлось для Валентины признаком не только богатства, но и расточительности!), а заплатить вовремя няне не могут. Жадные и нахальные!

И тогда Суркова в который уже раз обратилась за помощью к своей соседке Евгении Спиридоновне. Старушка, получающая неплохую пенсию и весьма скромно тратящая ее на самое необходимое, даже не подозревала о том, что, по сути, богата. Конечно, соседка гарантированно выручила бы ее, но каждый раз, звоня в ее дверь и представляя себе свое же бляенье в процессе одалживания денег, Валентина чувствовала себя униженной и глубоко несчастной.

Хотя временами она бывала и счастлива, когда ее работодатели платили ей вовремя, да еще и с небольшими премиями за переработанные часы, и тогда она, заплатив вовремя ежемесячный ипотечный взнос, с какой-то даже гордостью ощущала себя хозяйкой однокомнатной просторной квартиры в новом доме, да еще и рядом с парком!

...Она открыла дверь и увидела Евгению Спиридоновну. Господи, она же деньги ей принесла! Валентина договориться-то с ней договорилась, а деньги старушка обещала принести чуть позже. Видать, прячет соседка наличные в укромном месте, поэтому никогда сразу не дает, только спустя время. Причем сама приносит. И визиты такие для нее явно в радость, женщина она одинокая, ей и поговорить не с кем, и пирогами угостить некого. А так придет Евгения Спиридоновна, денежку даст, да еще шарлоткой какой-нибудь угостит или пирожками с мясом, а заодно поговорит. Разговоры у них с Зоей простые, о погоде, соседях, крикливых детях, что живут со старушкой по соседству да на верхнем этаже. Но и политикой бабуля немного увлекается, никак не может определиться, к какой партии примкнуть, кого покритиковать.

– Ой, Евгения Спиридоновна, проходите, пожалуйста!

Валентина заметила, что на этот раз соседка пришла с пустыми руками. Нет, деньги сразу протянула, прямо с порога, десять купюр по одной тысяче рублей, но вот пирогов на этот раз не было, да и выглядела она как-то встревоженно, напуганно.

– Валюша, мне тебе сказать что-то надо...

– Хорошо, Евгения Спиридоновна, сейчас расскажете... Проходите, садитесь вот сюда, это уже ваше место за столом... А я сейчас чай согрею.

– Валя, постой. Сядь и послушай меня. Я-то сама ничего предпринять не могу, у меня просто сил нет, а вот ты...

– Да что случилось-то? Обидел кто?

– Говорю же, сядь и послушай.

И соседка рассказала какую-то совершенно нереальную историю о том, как сегодня утром возле крыльца поликлиники, располагающейся в их доме, подрались две женщины. Евгения Спиридоновна живет на втором этаже и говорит, что все отлично видела. Сначала одна девушка, что выглядит постарше и в шубе, набросилась, в смысле словами, на ту, что помоложе, которая была в сером пальто и черном берете. Одна обвиняла в чем-то другую, после чего зарядила ей пощечину, да так сильно, видать, что та, что помоложе, отлетела в сторону, упала, но потом поднялась и набросилась уже на вторую. Ударила ее тоже по лицу, после чего старшая «танком» двинулась на нее, прижала к перилам лестницы, ведущей в подвальное помещение поликлиники, а эти перила, видать, еле держались, может, проржавели, и девушка в берете рухнула вниз. Через некоторое время та, что в шубе, оглядываясь, спустилась по лестнице туда, где находилась другая, побыла там какое-то время, после чего выбралась наружу, оглянулась, схватила несколько картонных ящиков, приготовленных для вывоза сторожами расположенного поблизости склада, и утащила вниз. После чего снова появилась, поднялась в поликлинику, и больше любопытная соседка ее не видела. Хотя следила за территорией, где, по ее мнению, было совершено преступление, практически до самого вечера, за исключением вынужденных отлучек в туалет.

– Вы хотите сказать, что из этого подвального провала та девушка так и не вышла?

– Думаю, что нет. Но я же, говорю, отходила несколько раз от окна, может, и пропустила, конечно. И в туалет отлучалась, и чайник ставила. Хотела позвонить в полицию, но где у меня доказательства? Я же помню, как ко мне отнеслись в прошлом году, когда я собственными глазами видела, как напротив все той же поликлиники остановилась черная машина, похожая на «Волгу», я в машинах-то не разбираюсь, и оттуда раздался выстрел, мужчина, который до этого разговаривал с водителем машины, упал... В кусты. Я позвонила в полицию, все рассказала, но, когда прибыла полиция, тела того, в кого стреляли, так и не нашли. Полицейские посоветовали мне тогда поменьше смотреть сериалов. Посмеялись, словом, надо мной. А я думаю, что пока они ехали, кто-то подобрал труп и увез. Или же человек тот оставался раненым и сам выбрался на дорогу, может, остановил машину. Я же не могла постоянно находиться возле окна. Я старый больной человек, мне надо лекарства принимать, к тому же у меня тогда на руке был сильнейший ожог, и я сама себе делала перевязки... Вот такая история. Просто я подумала, Валечка, быть может, вы спуститесь туда, вниз, посмотрите, есть там в подвале кто или нет. А что, если девушка, которая туда упала, еще жива и просто не может выбраться? А я, признаюсь, просто боюсь, мне страшно. Что, если там на самом деле лежит мертвая женщина? Но еще больше боюсь, что это были галлюцинации. История-то выглядит странно, согласитесь.

– Да, действительно, история странная. Но вам перила-то видны? Они на самом деле сломаны?

– Ну да! Я же потом очки надела, хотя я и без них вдаль вижу... Да, одного звена нет, думаю, оно упало вниз после того, как на него навалилась эта девушка...

– Ну вот, значит, никаких галлюцинаций у вас нет. А я спущусь, конечно, посмотрю.

– Вот спасибо! А то я вся прямо извелась!

– Так когда это случилось?

– Сегодня между десятью и одиннадцатью часами. И ведь обычно в это время рядом с поликлиникой полно народу, мамы с малышами приезжают, я даже присматриваю за их колясками, мало ли... Там и место такое специальное вымощено плиткой, для колясок, велосипедов... Словом, именно в то время, когда происходило убийство, да-да, теперь я чувствую, что это убийство, ну никого, как нарочно, поблизости не было.

Валентина поставила перед соседкой чашку с чаем, но та впервые вдруг отказалась и даже отодвинула ее от себя.

– Настроения нет. Чувствую себя слабой, немощной старухой, которой никто не верит... А у меня, между прочим, все в порядке с головой.

– Да конечно, в порядке! Хорошо, Евгения Спиридоновна, пойдете, я вас провожу.

Соседка ушла. Валентина встала у окна. Ей виден был только длинный козырек или крыша подвала да часть лестницы. И одного звена перил действительно не было. Но история, рассказанная Евгенией Спиридоновной, выглядела совершенно абсурдной. К тому же она ничего не сказала про женщину, толкнувшую «молодую, что в берете» на перила. Она сказала только, что та поднялась в поликлинику, и все. Но скорее всего обе женщины после стычки разошлись по своим домам. Просто соседка этого не увидела. К тому же кроме Евгении Спиридоновны в доме могли найтись и другие свидетели несчастного случая или убийства, и они уже давно позвонили бы в полицию.

Так, успокаивая себя и не желая выбираться из теплой квартиры на улицу, да еще и спускаться по лестнице вниз, что явно привлекло бы внимание прохожих, Валентина вернулась на кухню, пересчитала деньги и только сейчас поняла, что ей все равно придется выходить, чтобы положить наличные в банкомат – положенная сумма должна быть переведена на ее «сберовскую» карту.

Банкомат имелся в продуктовом магазине через дорогу. Валентина усмехнулась. Там, рядом с этим магазином, находился бутик с дорогими винами и коньяками. Имелся и охранник, симпатичный мужчина лет шестидесяти с небольшим. У него всегда были розовые щеки, и выглядел он здоровым и крепким. Но самое главное, что он всегда, когда находился на улице, курил ли или просто стоял, уткнувшись в свой телефон (вероятно, играя в какую-нибудь бестолковую игру от скуки), а увидев Валентину, едва заметно кивал ей. Как старой знакомой. И это ее нисколько не злило, наоборот, в такие минуты она этот слабый знак внимания воспринимала всерьез и чувствовала себя женщиной. Причем несмотря на свои пятьдесят семь.

Валентина была в разводе, причем уже лет десять, и давно потеряла надежду встретить приличного мужчину. Сначала она мечтала найти мужа, с которым встретит старость, представляла себе, как будет заботиться о нем, вовремя давать ему (воображение рисовало их уже глубокими немощными стариками) лекарства и укутывать пледом парализованные ноги мужа, но потом, после нескольких встреч с реальными мужчинами, с которыми ее время от времени знакомили подружки, она эту затею с замужеством оставила. Поняла, что не готова взваливать на свои плечи заботу о совершенно чужом человеке, к тому же обремененном болезнями. Ей нужен мужчина помоложе, и даже не для интимных встреч, а просто для прогулок, культурных походов, поездок по интересным местам. А потому мужчина должен быть здоровым, крепким (вот как этот розовощекий охранник!) и непременно с машиной. А у этого мужчины машина точно имелась, Валентина один раз видела, как он открывал дверцу припаркованной неподалеку от винного бутика иномарки вишневого цвета, чтобы достать сигареты.

Собираясь в магазин, Валентина наметила план действий. И хотя он до последнего казался ей каким-то нереальным и даже глупым, мысли-то в голову все равно лезли. А что, если соседка говорила правду и под лестницей лежит труп? Конечно, все можно выдумать, нафантазировать, но эта история с коробками, которые предполагаемая убийца спустила вниз... Все это начинало смахивать на правду. И коробки эти она наверняка забрала, чтобы прикрыть ими тело. Соседка говорила, что женщина поднялась в поликлинику, но так оттуда и не вышла. А что, если она сидит там до сих пор ни жива ни мертва, не в силах осознать то, что произошло. Сидит и ждет, когда за ней приедет полиция. Она же понимает, что если та девушка мертва, то рано или поздно ее, убийцу, вычислят. А еще она, находясь в поликлинике, пытается обеспечить себе алиби, мол, она ничего не знает, она с самого утра была в поликлинике, и ее там видела целая толпа пациентов. Да и вообще, причин, по которым она продолжала находиться

в поликлинике, причем, возможно, до сих пор, было много. Хотя бы шок! Ей не верилось, что все это произошло с ней. Она никак не может это переварить. Но рано или поздно она, конечно, выйдет. В то время, когда она будет скрываться в поликлинике, она станет размышлять о том, как спастись, избежать тюрьмы. И первое, что ей придет в голову, – это спрятать труп, вывезти его куда-нибудь подальше. Конечно, ей придется обратиться к кому-то за помощью, ведь понадобится транспортное средство, машина. Хорошо, если у нее самой есть автомобиль, тогда она без проблем погрузит тело в багажник и вывезет его куда-нибудь подальше от этого места. И делает это, когда стемнеет. Скорее всего, ночью...

Так, представляя себя на месте той «женщины в шубе», Валентина и не заметила, как подошла к винному бутику. И лицо ее засветилось радостью, когда она увидела своего охранника. Тот на этот раз не просто кивнул ей в знак приветствия, а даже помахал рукой.

– Салют... – Она притормозила возле него. – Я вот все спрашиваю себя, где я раньше могла вас видеть. Мы знакомы?

Конечно, она никогда его раньше не видела, а спросила просто, чтобы завязать разговор.

– Конечно, знакомы! Мы же с вами как-то в Москву в одном купе ехали, не помните?

И тут она вспомнила! Точно!

– Ба... Неужели вы тот самый офицер, что помогал мне когда-то снимать кольцо с пальца, когда мою руку раздуло от аллергии на шампанское?!

– Ну, слава богу!

– Надо же... А я все думаю, почему ваше лицо кажется мне знакомым...

Она снова слукавила, потому что такого ощущения прежде у нее не было. Но вот сейчас, когда он сказал ей, откуда ее знает, она вспомнила эту поездку, веселую соседку по купе – молоденькую продавщицу Эммочку, запланировавшую поездку в монастырь, чтобы матушка Матрона помогла ей избавиться от бесплодия. Вспомнила и приятеля этого офицера, имени которого она, конечно, не помнила, у которого были такие же голубые глаза. Кажется, после двух бутылок шампанского она целовалась с ним в тамбуре...

– Меня Володей зовут, – напомнил он ей. – А вас – Валентиной, правильно?

– Да, точно! Какая у вас хорошая память! Ну, ладно. Мне пора.

– Может, как-нибудь встретимся, посидим в кафе? Да хоть вот здесь, за углом, в пиццерии?

– Я подумаю, – засмеялась она и, помахав ему рукой, почти побежала (как если бы она мгновенно помолодела!) в сторону магазина.

Находясь под впечатлением от встречи и надеясь, что этот Володя окажется разведенным или вдовцом, она уже успела нарисовать себе их возможные встречи, поход в театр или кино, в какой-то момент даже почувствовала, как он берет ее ладонь, и его рука оказывается теплой и гладкой на ощупь.

Валентина пришла в себя уже на обратном пути, когда вопрос с превращением купюр в «неналичность» был решен и она снова поравнялась с витриной винного бутика. И тотчас дверь распахнулась и в облаке теплого ароматного магазинного воздуха появился Володя. Он был так возбужден, со сверкающими глазами и почему-то распахнутыми, словно для объятий руками, что Валентина даже шарахнулась от него.

– Вот, я записал номер своего телефона. Когда будет желание и время – позвоните, хорошо? Я буду ждать!

– Вы женаты? – спросила она, чтобы уж окончательно решить для себя, мечтать о нем или нет.

– Нет. Я разведен. Но дети есть. Взрослые. Я живу один.

Вот теперь и она улыбнулась.

– Хорошо. – Она взяла листочек с написанным на нем номером телефона и сунула в карман куртки. – Я позвоню.

– Рад был встрече!

– Я тоже.

Возвращаясь домой и проходя мимо крыльца поликлиники, Валентина едва сдержалась, чтобы не свернуть к подвалу. Нет-нет, здесь нужна выдержка. Пусть эта особа, убийца, сама предпримет что-то, например, вернется ночью, чтобы вывезти труп. И вот тут-то Валентина попытается извлечь из этого свою вполне себе реальную выгоду. Тем более что женщина эта, если судить по рассказу соседки, обычная, то есть не профессиональный убийца, и убийство произошло явно по неосторожности, короче – несчастный случай. А потому она до сих пор находится в шоке, не зная, как выкрутиться из этого опасного положения, чтобы не угодить в тюрьму. А что нужно для этого сделать? Правильно – избавиться от трупа!

Валентина вернулась домой. Надо бы и ей самой все хорошенько обдумать. Впереди – бессонная ночь. Именно ночь, потому что вряд ли убийца появится здесь в вечернее время, даже, если и стемнеет. Ей нужно, чтобы на улице не было ни единого человека. Получается, она появится здесь с машиной после полуночи. И Валентине, чтобы не уснуть и дожидаться этого момента, нужно выспаться прямо сейчас.

Она и сама еще не понимала, всерьез ли относится к тому, что задумала. Потому что ее план был навеян многочисленными детективными сериалами и книгами, где все происходило легко и просто. Понятное дело, что там, в кино, все было притянуто за уши. Все как-то удачно совпадало, и предположения героев были единственно правильными. В жизни-то все не так. Во-первых, эта особа может и не вернуться, просто исчезнуть или вообще – уехать из города. Да что там! Поменять место жительства от страха! Не каждая женщина наделена такой храбростью, чтобы в ответственный момент своей жизни решиться вытащить труп из подвала, погрузить его в багажник машины (даже если она привлечет к этому преданного ей близкого человека), а потом и вывезти куда-нибудь за город. Да многие вообще не могут находиться рядом с трупом, не говоря уже о том, чтобы тащить его за ноги по ступеням...

Бррр... Валентину от представленного передернуло.

Нет-нет, она не будет сейчас думать обо всем этом. И вообще, она не должна, в сущности, осуждать эту женщину. Представляя себя на ее месте, она понимала, что и сама бы поступила не лучшим образом и уж точно не пошла бы в полицию, зная, что ее точно посадят. Но, с другой стороны, вряд ли эту «убийцу» (убийцу в кавычках, конечно, потому что она стала ею случайно) можно считать совсем уж невиновной. Она, видать, та еще штучка. И какой бы конфликт ни произошел между женщинами, какая бы ссора ни вышла, не всякая способна на рукоприкладство. Ну, пособачились, высказали друг другу все, что думают, да и разбежались каждая в свою сторону. А то одна влепила другой пощечину. Та ответила... Пощечина – это унижительно, больно, рука ответчицы наверняка сама среагировала, чтобы дать сдачи...

Рассуждая таким образом, Валентина налила себе чаю, достала из холодильника кусок ветчины, сделала бутерброд, подкрепилась, после чего отправилась в комнату, включила телевизор, канал «Культура», где гарантированно не было будоражащих сериалов, а лишь спокойные голоса дикторов или музыка, улеглась на диване, прикрылась пледом и закрыла глаза.

4

Она знала эту привычку мужа после ссор или, наоборот, во избежание скандала скрываться в ванной комнате. Поначалу она думала, что он просто сидит там, пережидая опасный момент. Но потом (конечно, все это было в самом начале их совместной жизни) поверила, что он действительно моется. Причем долго, тщательно, используя все имеющиеся гели и шампуни (после него ванная комната благоухала всеми наличествующими ароматами), возможно, в каком-то нервном остервенении, желая смыть с себя все то негативное, на его взгляд, что портит настроение, отравляет его жизнь.

Вот и на этот раз он сбежал под душ, испугавшись собственных галлюцинаций. Еще бы, думая о своей любовнице и, возможно, интуитивно чувствуя что-то нехорошее, он вдруг услышал звук ее рингтона.

Но что он мог прочувствовать? С чего бы? Девушки не было в живых всего несколько часов. Почему он так волновался? Потому что она не брала трубку? Да мало ли причин, по которым человек не отзывается! Или случилось что-то такое, к примеру, ссора, и он теперь просто не находит себе места?

И тут Зоя буквально подскочила на месте. Телефон. Его телефон. Вот он, лежит себе на столе, забытый хозяином. Вот это добыча! Обычно Виктор никогда не расстается с телефоном, даже когда идет в душ. Нет, не так: *особенно* если он идет в душ. Это и понятно. Включив воду, он под шум воды может спокойно разговаривать по телефону со своей любовницей, не опасаясь, что жена его услышит. Так делают все изменщики-мужья. Или просто изменщики или изменщицы.

А что, если эта девушка в черном берете не имеет к Виктору никакого отношения и Зое только показалось, что та появилась у дверей гинекологического кабинета в ее кремовой юбке и ее коричневых сапогах?

Зоя схватила телефон мужа и выбежала из квартиры, чтобы, поднявшись на пару этажей, спокойно проверить его. Телефон покойницы лежал у нее в кармане джинсов. Итак, теперь у нее два телефона, и вот сейчас она узнает всю правду.

Зоя так разволновалась, что почувствовала, как стучат ее зубы. Это было так неприятно, она ощутила себя такой слабой и жалкой.

Открыв список звонков на телефоне мужа, она без труда определила номер, по которому он звонил тысячу раз! Некий Иванов. Конечно, фантазии-то нет. Ну да ладно. Иванов так Иванов. Она набрала номер, и зазвучавшее на весь подъезд дерзкое, оглушительное аргентинское танго было похоже на звонкую пощечину!

Ей показалось или ее губы растянулись в злорадную улыбку? Вот она, гадина, пытавшаяся украсть у нее мужа. Получается, пока Зои не было дома, причем это могло произойти где-то осенью, потому что юбка пропала примерно в октябре, Виктор привел любовницу домой, поил-кормил ее, ублажал, как мог, а потом, расчувствовавшись, подарил ей новую юбку жены плюс шикарные дорогие замшевые сапоги! Вот чем он думал, каким местом? Получается, что он либо был не в себе, может, пьян, или же она, эта сучка, сама выбрала себе из вещей что получше и спрятала незаметно от Виктора в сумку. Какая мерзость!

Зоя вернулась в квартиру, почти плача. Слезы сами текли по щекам, капали на грудь. Что это за слезы? Откуда они? Совесть отказывалась уравнивать присвоенные юбку и сапоги со смертью. Понятное дело, что за такую фигню не убивают. Но разве она хотела ее убить?

Тут Зоя перекрестилась, задрала голову, желая, чтобы Всевышний ее увидел и услышал, хотя от стыда она едва подняла голову.

Он знает, что Зоя не хотела ее смерти. Просто надо было поставить девушку на место. Она же и выбежала из поликлиники, чтобы догнать ее, ответить на оскорбление. Да и шуба еще эта... Если бы Зоя не побоялась и отдала ее, как только пришла в поликлинику, в гардероб, а не оставила при себе на диванчике, то, может, ничего этого и не случилось бы. Вряд ли она побежала бы за этой девицей в тонком свитере.

И вообще, все случилось так неожиданно и к тому же принесло ей столько боли и унижения, что теперь она уже и не знает, выбежала бы она за гадиной в свитере или нет. Может, и рванула бы за ней. И ведь сучка эта сама ее спровоцировала. После всего, что она ей наговорила, стояла перед ней и медленно так, словно издеваясь, надевала свое серое пальто, натягивала на голову шерстяной берет.

А весь конфликт-то из-за чего?

Зоя пришла в поликлинику, чтобы ей вынули спираль. И, как нарочно, весь закуток перед кабинетом гинеколога бы просто забит беременными, которых нужно было пропускать без очереди. Зоя пропустила сначала двух шарообразных женщин, потом заявила еще одна, бледная такая на вид, худенькая девушка с огромным животом. Казалось, он перевешивает ее, бедняжку. И как-то долго длились эти визиты. Когда ждешь, время всегда замедляет свой ход.

Сидеть в душном коридоре было тоскливо и неприятно. Зоя знала, что ей будет немного, хотя и неприятно, но сам факт взгромождения на это чудовищное и ледяное металлическое гинекологическое кресло нервировал.

Она уже сто раз пыталась представить себе всю процедуру, даже внизу живота заломило, и тут вдруг, буквально перед тем, как ей самой уже войти, поскольку все беременные в очереди закончились, появилась эта девица. Высокая, красивая, зараза, в шикарном сером пальто, в элегантном маленьком черном берете. Лицо бледное, а вот щеки розовые, нежные. Глаза огромные, темные. Скинула с себя пальто, стянула берет и подошла прямо к двери, готовясь прямо сейчас зайти в кабинет.

Зоя сказала, кажется, что сейчас ее очередь, что она пропустила уже несколько беременных, девица же бросила ей зло через плечо, что и она тоже беременная. Хотя видимых признаков беременности не было. У нее вообще живот был плоским. И пока на языке формировалась идиотская фраза, которая, по сути, и стала ключевой, провокационной, Зоя успела обратить внимание на кремовую юбку-карандаш, обтягивающую бедра девушки, и на ее высокие, шоколадного цвета сапоги на тонком каблукке. Она еще только осознавала, что видит свои вещи, как рот ее дерзко выкрикнул:

– Я тоже, может, беременная.

Вот зачем она это сказала? Кто ее тянул за язык? Да если бы не эта фраза, девица была бы жива и Зоя, быть может, нашла в себе силы начать новую жизнь, развестись с Виктором, глядишь, встретила бы другого мужчину, забеременела от него... От Виктора ребенка не хотелось, родится таким же бездельником и вруном.

И тут эта нахалка, покосившись на Зою, выдала (как выплюнула!) с таким презрением и злостью:

– Беременная она... Да у тебя климакс уж поди!

Это слышали все. Вся очередь, человек восемь. Причем все женщины были разного возраста, и среди них Зоя была самой молодой, ей всего-то тридцать два года!!!

Может, в коридоре было темно или просто освещение отвратительное, дающее мертвенные пятна на лицах, или девушке нужно было просто на ком-то отыграться, и на месте Зои могла оказаться любая другая женщина, но в воздухе после произнесения этой фразы тотчас запахло дряхлостью, климаксом, повеяло чуть ли не старческой мочой или даже смертью!

А если еще учесть, что женского счастья Зоя в последний год вообще не испытывала и сама чувствовала, что стареет (и это в свои-то молодые годы!), по уши увязла в работе и закопалась в семейных проблемах, основной из которых были постоянные измены Виктора, да

плюс еще вид обидчицы, ее молодость и свежесть, розовые щеки, огромные черные глаза, не говоря уже о том, что на ней были Зоины вещи... Вот как тут было не взорваться?! Как? Да она ее этой фразой будто пригвоздила к дивану. Зоя несколько секунд не могла пошевелиться и ответить на оскорбление, зубы сжались, а в голове зашумело. Между тем дверь кабинета открылась, оттуда вышла пациентка, и, чуть ли не сбив ее с ног, к врачу прошмыгнула любовница Виктора.

– Сучка молодая, – сказал кто-то из темного угла. – Мы все постареем, и она тоже, и ее климакс накроет. И будет потеть, как я... Измучилась уже.

– Но она точно на аборт, такие, как она, злые и наглые, не хотят детей. Аборты делают постоянно, – отозвалась другая женщина.

Зоя так и продолжала сидеть, не желая видеть тех, кто говорил. Ей было стыдно за то, что ее, такую молодую, прилюдно записали в старухи. Беспричинно, просто так. Хотя... А что, если она, эта мразь, ее узнала? Поняла, что видит жену своего любовника? Узнала, а потому оскорбила. А-а-а-а...

Это открытие лишило Зою последних сил. С другой стороны, прибавились какие-то иные, внутренние силы. Она встала и набросила на плечи шубу. Вот прямо сейчас она позвонит Виктору, выяснит, где он, и, если тот дома, придет и выскажет ему все: что ненавидит его уже давно, хочет развода, и тот будет для Виктора убийственным, потому что он останется без крыши над головой, без денег, без работы, без куска хлеба, без сигарет, наконец! А потом она свяжется со своим адвокатом и скажет, что Виктора надо стереть в порошок. Вот так. А если Виктор останется без денег, то кому он на фиг нужен? Вот этой розовошкой шлюшке? Он наверняка пообещал ей золотые горы, представился инженером-биологом, ученым, сказал, что квартира его, и при разводе с женой он в ней и останется, что он получил какой-нибудь грант, разрабатывает что-то важное в сфере микробиологии... Уж заливать он горазд.

Она бы покинула поликлинику от стыда, если бы девица не вышла так быстро. Ветром пролетев мимо Зои, обдав ее ароматом хороших духов, наверняка купленных Виктором на Зоины деньги, девица накинула пальто, надела берет и стремительно направилась к двери.

Зоя – за ней. Забыв даже, зачем вообще сюда приходила. Спираль подождет! Тем более что и беременеть-то не от кого!

Она догнала девицу в двух шагах от крыльца, схватила за плечо и с силой развернула к себе. Чего только она ей не наговорила! Сказав, что все знает про них с Виктором, обозвав ее последними словами, а также вспомнив в последний момент, что она воровка и украла ее юбку и сапоги, Зоя наотмашь ударила девку по лицу... Ну и понеслось...

...Она промокнула салфеткой слезы. Чего теперь-то плакать? Зачем оправдывать себя тем, что эта особа погибла случайно? Если бы у Зои был тогда в руках пистолет, она, не задумываясь, выстрелила бы ей в живот. В тот момент, когда они пылали друг к другу ненавистью, когда Зоина рука с наслаждением лупила по лицу соперницы, конечно, она хотела ей смерти. Чтобы ее не было. Нигде и никогда.

Итак, «Иванов» – это она, любовница Виктора, с которой он так хотел связаться, поговорить. О чем? Если она действительно пришла за направлением на аборт, то где это направление? Где этот листок с печатью и подписью врача? Когда Зоя открывала сумку покойницы, у нее все плыло перед глазами. Паспорта там точно не было, только какой-то женский мусор: пачки бумажных и влажных салфеток, помада, ключи, мятый носовой платок, липкие мятные конфеты, ручка, пожелтевшие, рассыпавшиеся по дну сумки, таблетки... Это же надо?! Она успела заметить все это! Но направления, то есть свежего листочка-бланка там не было, это точно. Значит, или направление ей не дали, или же она сунула его в карман. А может, она просто заходила что-то спросить и ни о каком аборте и речи не было.

Зоя вернулась в комнату. Из ванной доносился плеск воды. Этот гусь еще плескался. Вот лучше бы он лежал в подвале с пробитой головой.

Гад! Она целых пять лет его кормила, ублажала, покупала ему все самое лучшее, избавила его даже от домашних хлопот в надежде, что он, как мужчина, займется работой, а он... А он в знак величайшей благодарности спал с другими женщинами, целовал их...

Она схватила его телефон и снова набрала «Иванова». Из кармана ее джинсов брызнуло аргентинским танго...

Послышался звук распахиваемой двери, шлепанье босых ног по паркету, и в гостиной появился голый Виктор. Красно-оранжевый, с распаренным лицом и висящей на распухом от горячей воды носу каплей воды, он показался ей отвратительным.

– Ты слышала сейчас? – Спросил он, озираясь и вращая ставшими по-рачьи выпуклыми глазами. Голые тонкие и кривоватые ноги мужа казались черными от налипшей на них волнистой шерсти. Хоббит, блин!

– Что слышала? О чем ты?

– Ну... Музыка на телефоне... Ты что, сменила музыку?

И, злясь на нее и не желая повторять свой вопрос, он взял со стола свой телефон и набрал ее номер. Телефон Зои ответил ему спокойной мелодией Косма из французской комедии.

Виктор в упор посмотрел на жену. В этой ситуации задавать вопрос про аргентинское танго было уже опасно. Он взял телефон и с гордым видом, с поджатыми, потемневшими от времени, мокрыми ягодицами, отправился в ванную комнату.

Зою передернуло от отвращения. И что она в нем нашла? Ну что?! Сейчас она не могла себе ответить. Его образ наложился на контур мертвого тела внизу лестницы, и от всего этого, представленного, ее затошнило.

Ладно. С разводом придется подождать. Что делать с трупом? А что, если она там до сих пор лежит – живая? Что, если Зоя, прощупав ее горло и плохо понимая, где именно нужно проверять пульс, ошиблась и девица эта жива? Как очнется, примется стонать, проходящие мимо люди услышат, найдут ее, отправят в больницу, и вот там она и расскажет о том, кто сбросил ее в подвал, под лестницу. Если вспомнит, конечно.

Неужели придется спускаться туда, чтобы проверить? С одной стороны, это хорошо, если девица окажется жива, тогда при самом плохом раскладе Зою не посадят. Но с другой – эта шлюха с разбитой головой превратит жизнь Зои в настоящий ад. Хотя таких, как она, можно заставить замолчать с помощью денег.

Но чтобы понять, как ей действовать дальше, было бы неплохо узнать, кто она такая вообще, эта девица в сером пальто и черном берете. Откуда? Где работает? Из какой семьи? Не спрашивать же об этом у Виктора.

В голове у Зои созрел план. Наташа! Хорошая знакомая Зои, брат которой работает в полиции. У того трое детей, денег всегда не хватает. Пусть за денежку пробьет номер телефона этой особы. А там видно уже будет, что делать, о чем думать...

Но сейчас надо бы съесть горячего супа. Что-то холодно, знобит...

5

Олег Демин, сорокапятилетний мужчина, преподаватель зарубежной литературы одного из столичных вузов и по совместительству владелец пяти автомастерских, чувствовал себя в этой жизни комфортно и старался получать удовольствия при каждом удобном случае. Большой любитель женщин, расставшись три года тому назад со своей супругой и, по сути, откупившись от уже взрослых детей, он, получив свободу, а заодно сохранив себе одну квартиру (из трех) в Москве и большой загородный дом в деревне Береста-Мякинино, считал себя вполне счастливым человеком.

Активный пользователь интернета, на просторах которого можно было подцепить какую-нибудь барышню, не особо зажатую синдромом хорошей девочки, он привозил девиц в свой уютный, закрытый от посторонних глаз березовой рощей дом, где с удовольствием посвящал их в чувственную сторону отношений между мужчиной и женщиной, раскрывая им такие тайны наслаждений, о которых многие и не подозревали. Демин был щедрым, ласковым, предупредительным, зачастую привязывался к девушкам, но, почувствовав с их стороны желание захватить его, моментально расставался с ними. Пройдя через тернии брака и сделав для себя определенные выводы, он больше никогда и ни с кем не спорил о плюсах и минусах этого института, и никто, даже дивно прекрасная девушка с самыми невероятными качествами и способностями, не смог бы заставить его жениться.

При расставании с очередной пассией он старался сделать для девушки что-то хорошее: решить ли проблему, дать денег, помочь поступить туда, где у него были прочные связи, устроить на работу или даже оплатить на пару месяцев жилье.

Он многое прощал девушкам, никогда не требовал от них ничего сверхъестественного, тем более верности. Его можно было уязвить только одним – полным равнодушием к его персоне. Ему трудно было представить себе девушку, которая, хотя бы раз побывав в его доме и познакомившись с ним поближе, добровольно отказалась бы от связи с ним. В тени берез, в полумраке спальни, на шелковых простынях, устроившись головой на его плече, каждая из его любовниц чувствовала себя защищенной, спокойной, сытой, обласканной, счастливой, наконец, как считал он. Он, талантливо оправдывая свой блуд и разврат влюбленностью, а то и любовью, зверел, когда какая-нибудь из его девушек не отвечала на его звонки, просто исчезала, не считая нужным даже объясниться! Конечно, он допускал самые разные мотивы подобного поведения, особенно если девушка была замужем, но позвонить-то можно, просто поговорить, поблагодарить.

Демин был эстетом, ему нравилось окружать себя красивыми вещами, он даже чай пил из лиможского фарфора, а что уж говорить о внешних данных своих подружек, которых допускал до своего тела! Но все равно, какая бы красавица ни появлялась в его доме, со временем, изучив ее, насытившись ею и даже пресытившись, он и сам начинал остывать к ней. Все ее привлекательные черты словно стирались, превращаясь подчас в изъяны. Большие глаза начинали раздражать своей выпуклостью или слишком длинными кукольными наращенными ресницами, чрезвычайно маленький и аккуратный носик казался искусственно вылепленным пластическим хирургом, пухлые губки он воспринимал так, словно они сделаны из мягкой резины или из силикона, а от волос якобы натуральной блондинки почему-то пахло какой-то химией... И стройность в его глазах становилась болезненной худобой, а впалый животик, которым он поначалу восторгался, начинал казаться ему твердым, как если бы он ощущал своими руками внутреннюю сторону позвоночника девушки, твердые мослы таза...

Конечно, каждая девушка, оказавшись у него дома и успев оценить, с кем она имеет дело, поначалу немного робела, старалась понравиться, а потому угождала Олегу, во всем подстраивалась под него. И только одна была совсем другой. Абсолютно во всем!

Безусловно, она была чудо как хороша! Стройная, с какими-то лисьими узкими глазами, будто подтянутыми к вискам, маленьким ртом, напоминавшим переспелую плотную вишню, высокими скулами, гладким, словно мрамор, розовым лбом, растрепанными густыми волосами цвета золота. Она была высокая, худая, но с прелестной нежной грудью третьего размера, чудесными округлыми бедрами, узкими щиколотками.

Она вообще случайно попала к нему. Он подвозил ее. Но до ее дома так и не довез. Понял, что у нее неприятности, глаза были заплаканы. Ну просто идеальная жертва, готовая на заклятие. Она и не сопротивлялась, когда он предложил ей поехать к нему. Сказала, что ей все надоело, она устала цепляться за эту Москву, у нее силы кончились. Она приехала откуда-то из глубокой провинции, с трудом устроилась на работу в какую-то сомнительную контору, где ей не заплатили, а потому уже завтра ее «выпрут» из квартиры. Еще она сказала, что ей холодно, она никак не может согреться. И это, скорее всего, душевный холод, дело не в шубе, которую ей одолжила коллега по работе, а в какой-то беспросветности.

Словом, она, как говорится, несла «пургу», врала одухотворенно и вместе с тем лениво, даже не стараясь, чтобы информация хотя бы немного походила на правду, чем буквально очаровала Демина. Во-первых, она была явно москвичка, потому что по дороге время от времени у нее прорывались комментарии чисто водительского толка, связанные с перекрытием каких-то дорог, она свободно сыпала названиями улиц, жаловалась на нехватку парковочных мест, из чего даже самый глупый человек понял бы, что барышня врет как дышит. Ей на самом деле было до лампочки, что и кому она говорит. В одном он не сомневался – она несчастна, и ей действительно не хочется возвращаться домой. Возможно, она поссорилась с мужем (Матьер Божья, она даже не потрудилась снять обручальное кольцо, прежде чем на ходу придумывать историю своего одиночества и безысходности!). Обеспеченная, привыкшая к комфорту молодая женщина, похоже, действительно попала в какую-то семейную передрагу, и ей нужно было сменить обстановку, возможно, напиться или переспать с первым встречным. От нее хорошо пахло духами, лицо покрывал тонкий слой хорошей пудры, вот только тушь на ресницах слегка потекла да помада размазалась. Серое пальтишко ее с нежной начинкой из меха распахнулось, и Демин, скосив глаза, мог увидеть худенькие, обтянутые тончайшими телесного цвета колготками или чулками чудесные коленки. Он едва сдерживал себя, чтобы не притормозить и поцеловать их.

– Олег.

– Ирина.

Ей было под тридцать, если судить по манере поведения и какой-то вовсе не девичьей развязной безбашенности. Но выглядела она благодаря своей природной свежести лет на двадцать с небольшим.

Словом, Олег, везя ее к себе и разговаривая, так и не понял, кто она такая и от кого бежит. Скорее всего, ей захочется выпить, и вот тогда она, возможно, расскажет ему, что произошло. Да, поначалу он решил, что она действительно замужем, но позже, приглядевшись, понял, что кольцо на безымянном пальце все же не обручальное, хотя, кто его знает... Да и вообще, чем ближе они подъезжали к поселку, тем тревожнее становилось у него на душе. А что, если она какая-то мошенница, клофелинщица? Усыпит его, обворует.

– Слушай, старик, а куда ты меня везешь? – внезапно очнулась Ирина, стукнув ладонью по рулю. – Ты вообще кто? Останови немедленно машину!

– Я Олег. Мы едем ко мне. Вы сами сказали, что у вас неприятности. Что вам нужна помощь. Что вас выселяют из квартиры и все такое.

– Остановил машину!!! Быстро! – На этот раз она саданула его кулаком в плечо.

– Ладно...

Промелькнула мысль, что она точно не мошенница и не клофелинщица, иначе ее целью был бы его дом. Она просто в шоке.

Он остановил машину, они как раз мчались уже по Новорижскому шоссе, приближаясь к бухте Живописная.

Ирина буквально вывалилась из машины, высокая и даже показавшаяся ему какой-то долговязой и нескладной. Достала из маленькой, похожей на крупную черносливику, черной лакированной сумочки пачку сигарет и закурила. Спотыкаясь, пошла, дымя, вдоль обочины.

– Вы куда? Садитесь! Холодно же!

Он выбежал из машины, догнал ее. Обнял за плечи. Ее и правда колотило. Вернул в машину, и они снова поехали.

Да, как он и предполагал, она, войдя в теплый дом, забралась на диван, набросив на себя плед, и попросила что-нибудь выпить.

– Виски? Коньяк? Водку?

Она попросила виски. Он налил. А потом она уснула...

Она прожила у него три дня. И если бы у него спросили, каково ему было с ней, он ответил бы, что ни разу еще не встречал такой очаровательной и интересной молодой женщины. Совершенно без комплексов, грубоватая на язык, но нежная и страстная в любви, она уж точно не старалась ему понравиться. Ничего особенного в ней как будто бы не было. Или наоборот, было так много разных особенностей, начиная от ее глаз, которые просто гипнотизировали его, ее розовых полных губ, которые, если прокусить их, брызнут вишневым соком, и заканчивая невероятно красивой грудью, что Демин не мог оторваться от нее, настолько ему было с ней хорошо, сладко и одновременно больно. Больно, потому что он знал – она скоро исчезнет из его жизни, и ее губы будет целовать кто-то другой. Шальная мысль купить эту женщину, как он покупал все понравившееся ему, сводила его с ума. Как оставить ее у себя навсегда? Жениться? Да какая она будет жена? Никакая. Она будет ему подруга, разделит с ним все его забавы, поймет его, раскрасит его жизнь новыми яркими красками... Он не мог понять, что с ним происходит и чем же его так заворожила эта женщина. Но ему хотелось, чтобы она жила в его постели и они вместе валялись дурака, ели и спали, дурачились в ванне в облаках пены, ходили на лыжах по заснеженному лесу, целовались до одури на крыльце под завыванье вьюги, пили водку или виски... Иногда ему хотелось покусать ее, пощипать, причинить ей боль, и это пугало его. Очень, ну просто очень странные желания она в нем вызывала.

Конечно, он фотографировал ее, когда она спала. Как и всех, кто бывал в его спальне до нее. Голую, полуголую, в разных позах. Она была восхитительной, соблазнительной, свободной, раскованной, роскошной. Он обожал ее, но не любил. Вернее, за те три дня, что она обитала в его доме, он совсем запутался в своих чувствах к ней. Он даже дела свои забросил и отдавал распоряжения по телефону, боясь хоть на час оставить ее одну, уверенный в том, что она исчезнет. Конечно, он понимал, что такая женщина уж точно не одинока. У нее есть если не муж, то постоянный мужчина, который накануне совершил какой-то проступок, чем сильно разочаровал ее, обидел, и теперь она просто не знает, куда ей идти и как дальше жить. На тот момент, когда они с Олегом встретились, ей явно требовались какая-то положительная эмоциональная встряска, смена обстановки, а также участие и забота. Вот только прыгать в машину к совершенно чужому мужчине было для этого вовсе не обязательно и вообще опасно. Но она этого в тот момент не осознавала, из чего Демин сделал вывод, что прекрасная Ирина села к нему в машину, находясь в состоянии сильнейшего эмоционального стресса.

– Оставайся у меня, – шептал он ей в минуты близости, обливаясь потом и вцепившись пальцами в ее плечи. – Живи здесь, сколько хочешь.

Она, закрыв глаза, лишь слабо усмехалась. Пот катился по ее гладкому высокому лбу, пряди волос, закручиваясь колечками, прилипали к вискам, кончик носа розовел, а между влажными губами белели два ровненьких беличьих белоснежных резца. Природа от души

наградила ее здоровым телом, нежной белой кожей, густыми волосами и чудесными белоснежными зубками. Когда-нибудь все это поблекнет, начнет увядать, но это будет еще не скоро. А пока она настоящая красавица, хотя сама, быть может, этого еще не осознает. Красавицы ведут себя по-другому, они гордо несут свою красоту, боясь расплескать ее или – чего уж там – продешевить. Ирина же раздаривала свою красоту так щедро, как выкладываются на сцене талантливые актеры. Демин и сам не мог понять, откуда вдруг подобное сравнение, такая метафора. Быть может, оно появилось потому, что он недавно был на спектакле, где актеры небольшого театра так выкладывались на сцене, изображая сильнейшие чувства, что все (ну, Олег уж точно!) поверили, будто немолодая, хотя и весьма привлекательная актриса, игравшая Федру, на самом деле пылает страстью к молодому Ипполиту...

Он оценил ее усмешку. Конечно, она прекрасно понимала, что рано или поздно весь этот любовный жар превратится в пепел, и они не будут испытывать друг к другу ничего, кроме отвращения. Все это она, вероятно, уже пережила, перестрадала. Ей это не нужно. К тому же она не могла не заметить, находясь здесь, в этом отравленном пороками доме, миллион женских следов, вещей и специфических штучек, словом, признаков того образа жизни, который он вел до встречи с ней и который вызывал в ней лишь презрение. Да только в туалетном столике в ванной комнате, в выдвижном широком ящике можно было найти штук пятнадцать тюбиков губной помады, причем, разных оттенков. А сколько различных коробочек, пакетиков, ватных подушечек, тампонов, даже трусиков – целая коллекция! – хранилось в той же ванной комнате в плетеной белой корзинке на стиральной машине! И это Ирина не добралась еще до женских домашних тапочек (примерно пятнадцать пар, самых разных, с бантиками и помпончиками, с вышитыми цветочками или в виде плюшевых щенков!), которые были аккуратно вычищены домработницей и помещены в специальный обувной шкафчик в холле! Домработница... Демин позвонил ей и сказал, чтобы она не приходила еще несколько дней. Он не хотел, чтобы им с Ириной кто-то мешал, пока они, как пьяные, проникали друг в друга и сходили с ума, теряя последние капли рассудка.

Однажды утром он проснулся и не нашел ее в кровати.

Ирина, одетая, умытая, пила кофе на кухне.

– Вызови мне такси и дай денег. А еще мне нужен телефон.

– Ты куда? Тебе есть куда идти? Тебя кто-то ждет?

– Вызови такси, слышал?! – поморщилась она, словно разговаривала с бестолковым водителем или слугой.

Иногда люди одним только тоном могут причинить боль. Ирина единственной фразой, произнесенной убийственным тоном, словно ударила его по лицу. И ответить ей на этот удар он не мог. Была бы на ее месте другая женщина, она вылетела бы из дома пробкой! Ирине же он прощал все. Быть может, в надежде, что она еще сюда вернется.

– Хорошо. Но, может, я сам отвезу тебя, куда скажешь?

– Нет. Говорю же – вызови такси.

– Да. Хорошо. Понял.

Конечно, он понимал, что она просто не хочет, чтобы он узнал адрес, куда она направляется. Быть может, это квартира, где она проживает с мужем. Или с родителями. Или с детьми. Он так о ней ничего и не узнал. Хотя за эти три дня было выпито немало, и будь она послабее духом, рассказала бы в алкогольной расслабленности о своей жизни или хотя бы намекнула парой фраз о том, что произошло с ней в день их встречи. Промелькнула и еще одна нехорошая мысль, которая грозила и вовсе испортить настроение: а что, если она совершила преступление? Вдруг убила кого-то и ей потребовалось спрятаться? Мужа? Случайно, например. Ударила его бутылкой по голове... Хотя, почему именно мужа? Любовника. Бандита. Мать? Сестру? Да каких только ужасов не начитаешься в криминальной сводке по столице.

Но наиболее реальной причиной такого поведения молодой женщины он все же считал желание отомстить мужу или любовнику скорой изменой. Что называется, броситься в объятия первого встречного, коим оказался как раз Олег Демин.

Он без колебания отдал ей один из своих телефонов. Готов был оплачивать любые ее разговоры, а при случае забраться на правах владельца телефона в тайну ее звонков и переписки. Спрашивать у нее, где же ее собственный телефон, он не стал. Или потеряла, или намеренно оставила где-нибудь, чтобы ее, к примеру, не отследили. Или же у нее забрали его по какой-то причине. Вариантов множество. Денег дал щедро. Она улыбнулась уголком губ. Как же он хотел, чтобы она вернулась!

Он вызвал такси. Провожая ее к воротам, не выдержал, спросил, что он должен сделать, чтобы она вернулась. Она вместо ответа повернулась к нему, обняла и крепко поцеловала. Словно на память, чтобы оставить ему вкус ее губ.

– Я мог бы сделать тебя счастливой. Ты бы ни в чем не нуждалась. Ты слышишь?

Он крепко схватил ее за плечи, встряхнул.

– Ну кто тебя там ждет? Кто? Подумай хорошенько.

– Ты же сам все понимаешь... – вдруг начала она говорить, и он замер, перестал дышать, чтобы услышать каждое ее слово. Он был уверен, что вот сейчас-то он и узнает самое главное. – От тебя всегда будет пахнуть другими женщинами. Вот в чем дело.

И буквально выскользнула из его рук, быстро дошла до машины, села и даже не оглянулась на него.

Другие женщины. Как будто бы он не знал, в чем дело. Да у него целая коллекция женщин, девушек! И это просто удивительно, что за те три дня, что он был с Ириной, ни одна не появилась. Никто не потревожил его даже звонком! Бывает же такое...

Он запер ворота, вернулся домой, сварил себе кофе и устроился за столом возле окна. Падал снег, стволы берез в этой снежной пелене казались призрачными, нереальными и полупрозрачными. Какие же они красивые, эти березы. Даже зимой.

Олег вдруг понял, что ему невыносимо оставаться одному в этом большом доме, что он замерзает не только душой, но и телом. И это несмотря на то, что на самом деле в доме было жарко настолько, что окно в гостиной было распахнуто.

Кому он позвонит на этот раз? Кто придет к нему, чтобы разделить с ним этот зимний день и полюбоваться березами?

Он выбрал из списка девушку по имени Наташа и позвонил ей. И почему-то обрадовался, когда ему не ответили.

С мыслями об Ирине, упиваясь своими воспоминаниями о ней, он набросил куртку и отправился в сад расчищать дорожки от снега. Уже очень скоро ему стало так жарко, что он разделся, оставшись в свитере. Продолжая махать лопатой, он вдруг понял, что разговаривает сам с собой. Плетет какую-то чушь, обращаясь к той, которая заполнила его без остатка. И эта игра с собственным воображением так захватила его, что к вечеру, когда все дела и важные звонки были сделаны, он, приготовив себе спагетти, накрыл на стол, поставив две тарелки и два хрустальных бокала. И как будто бы и не удивился, когда увидел за окном горящие фары подкатившего к воротам такси, из которого вышла она. Ирина.

– Ты ж моя хорошая... – Он выбежал в чем был и, путаясь в полах длинного халата, бросился ей навстречу.

6

Когда же закончится этот день? Самый страшный день ее жизни. Если эта девица и оставалась живой и просто раненой, с разбитой головой, то сейчас, лежа на морозе под лестницей, уж наверняка умерла.

От этой мысли было просто невозможно дышать. Это что же получается? Она, Зоя, убийца. Хладнокровная убийца. Про таких, как она, говорят – отморозок. Или отмороженная. Так вот, она и есть отмороженная. Законченная стерва. Бессердечная. Злая. Опасная. Как она могла дойти до такого? Всегда же была нормальным, вполне себе добрым человеком. Кто в этом виноват?

Ответ она знала отлично. Конечно, ее предатель-муж. Циничный, беспринципный прилипала, альфонс. Но разве она сама не виновата в том, что, несмотря на все его проступки, продолжала жить с ним? Разве ее мягкотелость и нежелание изменить свою жизнь и обрести свободу не были тому причиной? Ее страхи, связанные с борьбой с этим ничтожеством, разве не вызывают у самого Виктора чувство презрения к ней? То есть Виктор, тот самый муж-предатель, получается, презирает ее за то, что она до сих пор не спустила его с лестницы?

Виктор вот уже целый час сидел на кухне и пил водку, постоянно кому-то названивая. Но уже не своей мертвой любовнице, телефон которой, находясь у Зои, пару раз до этого взрывался характерным рингтоном, пугая его, а кому-то еще. Из доносящихся с кухни обрывков разговора Зоя понимала, что он продолжает разыскивать свою любовницу. А человек, с которым он разговаривал, был знаком с этой девицей и тоже как бы недоумевал, куда она могла подеваться. Звучали фразы «мы поскандалили», «она упомянула что-то про аборт», «ты же знаешь ее, она на все способна»...

Возможно, эта девица на самом деле была беременна и приходила к гинекологу за направлением на аборт. Но явно его не получила, потому что вышла из кабинета слишком уж быстро. Или передумала, или гинеколог отказалась выдать ей направление хотя бы уже потому, что пациентка не была прикреплена к этой поликлинике.

Зоя же, закутавшись в толстый плед из новозеландской шерсти, вспотела в жаркой квартире и, не понимая, что с ней происходит на физическом уровне, ждала звонка Наташи, своей приятельницы, брат которой работал в полиции. По телефону она опасалась говорить на интересующую ее тему и уж тем более называть номер телефона, который нужно было «пробить». Она попросила Наташу приехать, но предупредила, что разговор будет происходить в подъезде. За это мероприятие она пообещала заплатить и самой Наташе. Вообще, ее подруга была просто идеальным вариантом для подобных дел. Живя в несчастливом браке, она часто меняла любовников, а потому понятие тайны для нее было святым. Зоя в этом отношении могла на нее положиться. Кроме того, Наташе всегда «позарез» нужны были деньги на разные женские мелочи, одежду, духи. Она жила каждым днем и возвела это в жизненный принцип. Словом, купюра даже в сто долларов была бы ей настоящим подарком судьбы. Ее брату была приготовлена точно такая же сумма.

Когда телефон зазвонил, Зоя даже подскочила на диване. Схватив со стола одну из приготовленных бумажных салфеток, которыми она промокала влажное лицо, она бросилась искать телефон в складках пледа. Нашла, ответила.

– Да, Наташа, слушаю.

Подруга сказала, что подъезжает к дому и Зоя может уже спускаться вниз.

Зоя метнулась в прихожую, набросила на себя шубу, голову повязала шарфом, потому как от пота волосы стали влажными, вышла из квартиры и направилась к лифту.

Наташа, полноватая, но весьма привлекательная блондинка, закутанная в шубу из чернобурки, на этот раз была просто неузнаваема – правую сторону ее лица раздул флюс! Придерживая щеку, она жалобно посмотрела на Зою.

– Да уж... Ты извини меня, Натка, что сорвала тебя. Я же не знала, что у тебя такое... Ты к врачу собираешься идти?

– Да. Вот сейчас с тобой поговорю, и мы поедем.

– Ты не одна? С мужем?

– Сказала тоже! Муж дома, сидит перед телевизором, смотрит свой бокс. Его, похоже, вовсе не интересует, где я и что со мной. Мы давно стали чужими, ты же знаешь.

Отношения супругов, насколько Зое было известно, разладились, когда Наташа узнала о существовании еще одной, параллельной семьи, которую завел себе ее муж, директор (не владелец) маленькой кондитерской фабрики, расположенной в Одинцовском районе. Наташа вроде бы простила его после того, как он бросил ту, вторую жену, но отношения стали прохладными, а позже и вовсе каждый зажил самостоятельно.

– Болит? – зачем-то спросила Зоя, хотя и так было все понятно. Флюс, с ним вообще опасно медлить.

– Стреляет. Надо срочно вскрывать его. А я боялась, три дня тянула. Так что это даже хорошо, что ты меня позвала, теперь-то я уж точно поеду к хирургу, мы уже позвонили, договорились. Так что там у тебя?

Зоя протянула ей записку, в которой был номер телефона. Она ждала, что последует вопрос, что это за телефон и все такое. Но Наташа не спросила, спасибо ей.

Протягивая подруге деньги, она думала о том, что завидует ей, с раздутой щекой и гнойным пузырем под зубом или воспаленной челюстью, сравнивая этот чужой кошмар со своим собственным. Но сейчас Наташа поедет к хирургу, и он вскроет ей этот нарыв, после чего вставит туда тонкую резинку, по которой медленно, но верно будет вытекать гной. А вот у Зои «флюс» будет раздуваться до тех пор, пока ее не поймает полиция и судья не вынесет ей приговор. Да и в тюрьме она вряд ли избавится от своей боли, просто добавится другая. В тюрьме у нее будет болеть все – и тело, и душа. Она погибнет там. И еще неизвестно, какая смерть лучше, от пневмонии или побоев в тюрьме или же от сознания того, что она убила человека.

– Что-то ты, мать, неважно выглядишь... У тебя, случаем, не температура? Вон, на кончике носа капля пота висит...

– Нет, просто у нас в квартире жарко.

– Ну ладно. Все узнаю уже очень скоро. Думаю, примерно через час пришлю тебе СМС, все напишу.

Если бы не флюс подруги, Зоя попросила бы ее за отдельную плату привезти распечатку данных прямо сюда, домой, чтобы фамилия убитой нигде в телефоне и интернете не отразилась, но не посмела. Это выглядело бы уже как наглость и жестокость. Да и объяснять пришлось бы.

– Хорошо. Спасибо. Договорились.

Дома она сбросила с себя шубу и шарф. Было искушение принять душ, но вдруг в это время придет сообщение с именем убитой?

На кухне было тихо, Зоя заглянула туда: Виктор сидел, подперев голову руками, и смотрел на стену. Задумался.

«Раньше надо было думать. А теперь вот сиди и жди, когда найдут труп и вычислят тебя, дорогой. А то и убийство на тебя повесят, если выяснится, что твоя любовница на самом деле была беременна от тебя. И я ни копейки не дам, чтобы заплатить адвокатам».

Да, именно так она и подумала. А чего его жалеть-то? Наверняка они поскандалили, когда он узнал о ее беременности. Она же очень хорошо расслышала про беременность в его телефонном разговоре с неизвестным. Может, другу какому своему жаловался. Растерялся, напу-

гался. Хотя, чего ему пугаться-то, если он пока еще ничего не знает. Ну, не отвечает девушка на его звонки. Обиделась, вот и не отвечает. Скорее всего, он ее на аборт и погнал.

...Пришло сообщение. Сердце забухало в груди. Теперь ему, бедному сердцу, придется часто вот так набатом бить, как только дело коснется этой особы. И нервы расшатываются. Думая про нервы, Зоя представляла себе частокол из тонких электрических проводов, которые качаются на ветру.

«Демин Олег Иванович, г. Москва, ул. Леонова, дом...»

Какой еще Демин?! Вот только этого еще не хватало! Отдать двести долларов за то, чтобы узнать, что телефон принадлежит совершенно другому человеку? Хотя... Что ж. Теперь придется искать эту особу через Демина.

Улица Леонова. Где это у нас? Метро «Ботанический сад».

Утром, решила Зоя, вместо того чтобы ехать на работу, она позвонит, предупредит руководство, что приболела, и отправится искать этого человека. Кто он такой? Может, муж? Да, скорее всего, муж, значит, эта мадам была замужем, когда встречалась с Виктором. Да и беременна она могла быть от мужа. Вот поэтому-то и разразился скандал. Виктор сказал, что это не его ребенок, а мужа, и он здесь ни при чем. Виктор запросто мог так сказать, обидеть ее.

Зою потряхивало. И от нервов, и от голода. Вкуса супа, который она ела не так давно, она не почувствовала. Приготовленного дома ничего не было. Оставалось только сварить дежурные пельмени. А что делать?

– Пельмени будешь? – спросила она, входя в кухню, где Виктор сидел перед очередной порцией водки. Если бы она не вошла, он успел бы опрокинуть рюмку в себя.

– Буду, – оживился он, как если бы понял, что она простила его. – Мне сегодня что-то нездоровится.

Вот так всегда, как только они ссорятся, так у него начинает якобы что-то болеть. То ему нездоровится, то болит голова, то живот, то желчный пузырь прихватило. Как ребенок, который ищет предлог, чтобы отлынивать от школы.

– Тебе сколько штук сварить? Как всегда, пятнадцать?

Она наварила много пельменей, разложила их по тарелкам, поставила баночку со сметаной, приборы. Они сидели друг напротив друга и молча ели.

«Между прочим, я убила сегодня твою любовницу», – мысленно отправила она ему сообщение. Он даже подавился. Реально подавился, ей пришлось даже дать ему воды.

«Представляешь, она, твоя сучка, пришла в поликлинику в моих сапогах и моей юбке! Как ты мог подарить ей мои вещи? Вещи твоей жены, которая кормит тебя, содержит?! Хотя бы предупредил ее, чтобы она не надевала все это! Да хоть продала бы, но не носила, рискуя попасться мне на глаза!»

И тут ее словно ударило током: а что, если эта особа вовсе и не любовница Виктора, а женщина, которая купила у той любовницы ее вещи? Может, подруга или соседка. И она совсем невиновна!

От этой мысли Зое стало еще хуже. Но тогда как же понимать все эти совпадения? Виктор весь вечер кому-то не может дозвониться, а на звонки реагирует как раз телефон убитой? Получается, что это все-таки она. Уф... Мысли в голове путались. Она это, точно она! Пусть даже Виктор ей ничего не дарил, она могла сама открыть гардеробную и забрать то, что ей понравилось, без его разрешения. Тогда это еще один минус ей. Минус... Та девушка лежит сейчас при температуре *минус* пятнадцать и уже ничего не чувствует. Волосы наверняка примерзли к бетону, которым залита площадка под лестницей перед дверью в подвал. И тело ооченело, сделалось как деревянное, а пальто стало для нее саваном.

И тут Зою реально затошнило – а ведь она, возможно, убила не одного человека, а сразу двух! Она жестоко убила беременную молодую женщину! Ее посадят лет на двадцать или на

всю оставшуюся жизнь, а в тюрьме ей, женщине, посмевавшей убить беременную, оторвут башку! В первый же день!

Что делать? С кем посоветоваться? Свидетелей того, что она просто толкнула ее, не желая ее смерти, что все получилось случайно, все равно нет! И если даже из окон дома, на первом этаже которого находится поликлиника, кто-то видел сцену драки и падение девушки на лестницу, то вряд ли примет сторону нападавшей, то есть Зои. Особенно, если узнает, что потерпевшая была беременна. Нет-нет, поисками свидетелей она точно не станет заниматься. Бестолковое это дело и даже опасное. Но должен же быть какой-нибудь выход! Надо же ей подготовиться, если кто-то все-таки увидел ее и сообщил в полицию. В любую минуту в дверь могут позвонить и призвать ее к ответу. Конечно, проще всего говорить представителям закона правду. Вот все как есть. И уж свидетелей их ссоры возле гинекологического кабинета найти можно, достаточно посмотреть список пациентов того доктора в нужный день и час. И многие женщины подтвердят, как дерзко и грубо повела себя эта девица в черном берете. К тому же нетрудно будет доказать, что одежда и обувь на трупе раньше принадлежала Зое. Делают же анализы ДНК. Так что и это все реально. Кроме того, можно поискать свидетелей, взять хотя бы самого Виктора, который (за определенную сумму) подтвердит, что девушка была его любовницей. Он не очень-то хорошо знаком с таким понятием, как деликатность, тем более что его любовница мертва, и упрекнуть себя в том, что он предает ее, подтверждая следователям их связь, не сможет. Он по природе своей предатель. И тогда перед следователем предстанет полная картина того, что случилось в тот день, начиная от ссоры в поликлинике и заканчивая несчастным случаем на улице. Экспертизой будет доказано, что перила, ограждающие спуск в подвал, были хилыми, может, проржавели или их металлические столбики были просто некачественно припаяны, вкопаны, замурованы в асфальт. Если бы они оказались прочными, то ничего бы и не случилось, и девушка не упала бы вниз, не разбилась, как кукла. Ну, надавали бы они друг другу тумаков да и разошлись каждая в свою сторону. А уж как дальше сложились бы их судьбы – никому не известно.

Но все случилось так, как случилось. И что теперь делать? Идти в полицию самой или сидеть, что называется, ровно, пытаться сделать так, чтобы ее все же не вычислили? И кто бы ей мог помочь при самом плохом раскладе? Адвоката найти нетрудно, да и деньги есть. Вот только гарантии никто не даст, что ее не посадят, это точно.

А что, если взять и рассказать все Виктору? Не мысленно отправлять ему сообщения, а поставить перед фактом и попросить о помощи? Вряд ли он заявит на нее в полицию, ему незачем подставлять жену, которая его кормит. Хотя, с другой стороны, если ее посадят, то она реально освободит квартиру, где он сможет жить спокойно так, как он этого хочет. Но что будет дальше? На что он будет жить? Продаст квартиру? Вынудит ее, законченную ээчку, дать ему доверенность, продаст квартиру, купит жилье поменьше площадью и будет проедать разницу в несколько миллионов рублей? Или, если хватит мозгов, продаст, купит две небольшие квартиры, в одной будет жить сам, а другую сдавать? Он может, он все может. Словом, он будет устроен и вскоре вообще позабудет о ее существовании. Нет, она ничего ему не расскажет.

Они поужинали и разошлись по своим комнатам.

Да вот только сна не было. Если бы она уснула, то, проснувшись, уже знала бы, что делать. Отправилась бы к «Ботаническому саду», к Олегу Демину, чтобы расспросить его о телефоне. Она даже придумала, с чем она к нему явится. Скажет, что нашла этот телефон у своего мужа и подозревает, что это телефон его любовницы.

Конечно, когда труп обнаружат и начнется следствие, полиция, быть может, тоже какими-то своими путями выйдет на Демина, и тот скажет, что да, приходила к нему женщина, расспрашивала о телефоне. Ну и что? Что такого особенного? Если с этим к ней придут и станут задавать вопросы, она повторит, что нашла этот телефон в кармане мужа. И на самом деле пыталась выяснить, на чье имя он зарегистрирован. Это вполне логично. И вот тут-то следо-

ватель очертит круг подозреваемых в убийстве, среди которых непременно будет она сама, Зоя, но и Виктор тоже! Зоя будет все отрицать, а Виктор... Да у него мотив железный! Если девушка была беременна, то он вполне мог пожелать ее смерти. Сколько таких драйзеровских историй происходит в реальной жизни! Тем более если поглубже копнуть их семью, то выяснится, что он давно уже нигде не работает и находится в зависимости от своей жены, а потому мог сделать все, чтобы сохранить этот брак и не допустить, чтобы его разрушила какая-то там беременная любовница.

В спальне Зоя сняла с себя одежду, накинула халат и отправилась в ванную комнату. Была глубокая ночь, весь огромный город спал. Хотя нет, не все спали, многие, как и она, тоже маялись бессонницей.

Зоя наполнила ванну почти кипятком, плеснула туда земляничной пены, легла и поднырнула под воду. Как же хорошо ей было там. Горячо, тихо, безопасно. Может, остаться тут навсегда?

Она вынырнула, отдышалась, добавила холодной воды, хорошенько намылилась и принялась тереть себя мочалкой с каким-то остервенением, думая о том, что, вполне возможно, уже завтра ее задержат, и тогда неизвестно, когда ей еще удастся помыться, понежиться в горячей душистой водичке.

Вернувшись в спальню, она надела чистую ночную сорочку, любимую, батистовую, с нежным кружевом, и вот только тогда заплакала. Забралась под одеяло и начала тихонько подвывать. Потом переключилась на молитву, молилась своими словами, умоляла Бога помочь ей преодолеть все трудности и просила простить ее за то, что она невольно совершила. Но о чем бы она ни думала, маленькая, но очень цепкая мыслишка не давала ей покоя: позволят ли ей в камеру взять с собой ее любимую ночную рубашку?

Понимая, что она сходит с ума, Зоя начала представлять себя на звездолете, ей хотелось того сладкого головокружения, которое наступает накануне сна. Как это бывало с ней в детстве, когда она тоже, переполненная впечатлениями или мыслями, не могла уснуть.

Последнее, о чем она подумала: не умереть бы во сне от разрыва сердца.

7

– Он не живет здесь, у него дом в поселке Береста-Мякинино, – сказала вышедшая на шум соседка. Это Зоя чертыхалась и даже материлась на весь этаж, давя уже изо всех сил на кнопку звонка.

Конечно, она понимала, что все нормальные люди утром отправляются на работу, и, если этот Демин не пенсионер, то, скорее всего, его в квартире не будет. Но и сидеть дома она тоже не могла, поэтому, как только проснулась, быстро собралась, села в машину и покатила разыскивать хозяина телефона.

– Просто я телефон его нашла... Подумала, что он обрадуется, – плела Зоя, не особо придавая значение своим словам. От соседки все равно не было никакого проку, все, что нужно, она уже сказала. Хотя можно было еще поговорить с ней.

– Он с женой там живет или?..

– Ой, нет, что вы! Олег не женат. Был женат, но развелся. Он любит свободу.

– Молодой?

– Относительно. Но молодится из последних сил. Женщины его просто обожают.

– Типа бабник? – Осторожно спросила она, чтобы не настроить соседку против Демина.

Соседка улыбнулась. Зоя ее поняла. Как поняла и то, что убитая, вполне вероятно, была подружкой этого ловеласа. Шлюха!

– Хорошо, спасибо вам. Но как я его там найду?

– Я вам сейчас адрес напишу. Дело в том, что он мне очень доверяет, я присматриваю за его квартирой, цветы поливаю, пыль протираю. Он, конечно, человек непростой, не каждый с ним найдет общий язык, но мы с ним как-то сразу подружились, едва он купил эту квартиру. У них есть и другие квартиры в Москве, но он почти все оставил жене и детям. И вообще, он, знаете ли, человек очень добрый, щедрый. Любит подарки делать. Вот он мне, к примеру, на Новый год подарил красивый такой хрустальный подсвечник...

Зря он тебе доверяет, подумала Зоя. Она вообще была в шоке от того, что эта не совсем молодая дама в нейлоновом пеньюаре розового цвета еще советских времен, явно скучающая в своем вынужденном пенсионном безделье, выдает всю информацию о своем соседе совершенно незнакомому человеку. Все рассказала: и что его дома не бывает, и что он бабник, что молодится. Да еще и адрес его загородного дома дала! Вот дурища-то!

– Может, и телефончик его дадите? Так, на всякий случай?

– Да чего ж не дать-то?! Записывайте!

Зоя улыбнулась чужой соседке одними губами, в душе презирая ее за болтливость и глупость, спрятала в сумочку листок с адресом и номером телефона Демина и вернулась в машину.

Как жалко, что она бросила курить года три назад. Сейчас бы закурила, глядишь, полегчало бы.

Из головы не шла эта соседка в розовом халате. Вот ведь счастливица! Никого не убила, не ранила. Сидит в своей теплой уютной квартирке, попивает чаек, смотрит сериалы и в ус, что называется, не дует! И никакая тюрьма ей не грозит. Конечно, она немолода и некрасива, но что с того? Ей еще жить да жить. Уж лучше быть на пенсии, чем в тюремной камере или вообще в гробу.

Зоя завела машину, поехала. Боже мой, сколько же народу в Москве! И все живут нормально, знают точно, что вечером вернуться с работы домой, подогреют себе или приготовят ужин, потом будут отдыхать. И мало кто будет вздрагивать от звонка в дверь, ожидая появления полиции. И только Зоя, случайно толкнувшая незнакомую ей особу, убила ее и покалечила жизнь себе. На эмоциях. В состоянии аффекта? Ну да. Конечно.

По Москве ехала долго, постоянно стояла в пробках. Было время погуглить поселок. Да уж, дворец на дворце, там простые люди не живут. Если этот Демин живет в одном из таких дворцов, то и разговора может не получиться. Зоя и без того оробела из-за своего положения, а тут еще и такая разница в социальном уровне.

Навигатор сопроводил ее к заснеженному участку, расположенному практически в березовой роще, в глубине которой стоял симпатичный двухэтажный дом со светлыми стенами, пересеченными темными деревянными балками – типичный образчик немецкого архитектурного стиля фахверк. Зоя не так давно интересовалась покупкой подобного домика, но не в двухкилометровой близости от Москвы, конечно, здесь цены просто зашкаливали, а подальше, где подешевле, поэтому сердце ее забило, когда она вдруг поняла, что никогда уже не будет жить ни в доме такого стиля, ни в каком другом. Ее ждет вонючая камера с гнилозубыми и агрессивными сокамерницами-убийцами.

Вот в таком настроении она вышла из машины и подошла к красивым кованым воротам, за которыми проглядывала аккуратно расчищенная от снега дорожка, ведущая к крыльцу дома. Справа под навесом стояла машина, черный «Мерседес», поэтому появилась надежда, что хозяин все-таки дома. Хотя не факт, что автомобиль принадлежал ему, а не гостям, к примеру.

Стоял яркий и светлый зимний день. При других обстоятельствах Зоя, быть может, увидела бы вокруг себя заснеженный лес, а над головой купол нежно-голубого, подсвеченного солнечным золотом неба, но только не сегодня.

Она нашла звонок под козырьком калитки, позвонила. Хозяин появился почти тотчас же. Джинсы, свитер, меховая жилетка из овчины – типичная зимняя одежда загородного жителя. Он бодрым шагом приблизился к воротам, внимательно осмотрел с ног до головы Зою. И вдруг она поняла, что и сама одета почти так же, как он – синие джинсы, светлый свитер, короткая дубленка. Вот только если мужчина выглядел спокойным, сытым и каким-то теплым, на что указывал его яркий румянец на щеках, то Зоя испытывала холод и наверняка была бледна и имела нездоровый вид. Плюс она была не накрашена. А из-под вязаной шапки-кулька выглядывали неопрятные пряди волос.

– Здравствуйте, я ищу Демина Олега.

– Здравствуйте. Считайте, что уже нашли, – улыбнулся мужчина. Он был красив, чего уж там, этот любитель женщин. Может, не так уж и молод, но еще очень даже ничего. Карие глаза, каштановые волосы, а губы! Сколько наслаждения принесли они тем, кто был допущен сюда, в этот березовый рай, в этот теплый и красивый дом!

– Мне поговорить с вами нужно.

– Вы из налоговой? – Прищурился он, и улыбка начала медленно сползать с его лица.

– Нет-нет, что вы! Я по частному делу.

– Хорошо. Проходите.

Она оглянулась на свою машину. Демин замахал руками:

– Не переживайте, вы так хорошо припарковались к моим воротам, что она никому не помешает. Проходите, пожалуйста. Я как раз чай заварил.

Чай. Ну, конечно, она только и мечтала, как выпить чаю с человеком, который наверняка являлся любовником убитой девушки. Ну не отец же он ей, на самом деле!

В доме было просторно и шикарно. Черно-белые шахматные клетки пола в холле вызвали легкое головокружение. Сильно зарябило в глазах.

– Пойдемте сразу на кухню. Зимой, как мне думается, всем хочется горячего чаю.

– Валяйте, – вырвалось у нее, после чего она, расположившись за столом, достала из кармана и придвинула к Демину телефон убитой. – Скажите, пожалуйста, это ваш телефон?

Он был не просто удивлен, а потрясен! С минуту он молча смотрел на телефон, словно не зная, что и сказать.

Вероятно, у него возникло много вопросов к ней, но он медлил, решая, как бы сделать так, чтобы, возможно, не проговориться, не выдать себя. Или – *ее!* Он же понятия не имел, кто перед ним!

– Не знаю... Возможно... У меня много телефонов. Вы где его нашли?

– Дело в том, что этот телефон, судя по многим признакам, в частности, звонкам моего мужа, принадлежит его любовнице. Я нашла этот телефон в его куртке, потому что он прозвучал очень уж непривычно и весело... А потом, сопоставив звонки моего мужа как раз по номеру этого телефона, я поняла, что все мои подозрения оказались верными. К сожалению, мой муж изменяет мне с той, у которой был этот телефон. И когда мои друзья «пробили» мне его номер, я меньше всего ожидала, что хозяином окажется мужчина, то есть вы. Поэтому я здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.